

«РЕКРУТ», «СОЛДАТ», «ПРИЗЫВНИК»: О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ УХОДЯЩЕГО В АРМИЮ В РУССКИХ СЕЛАХ *

Ю.С. Чернышева, *Институт гуманитарных исследований УрО РАН*

Для цитирования:

Чернышева Ю.С. «Рекрут», «солдат», «призывник»: о социальном статусе уходящего в армию в русских селах // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2022. – № 2. – С. 53–59. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2022.3.6>

Отношение к службе в армии изменяется на протяжении XX в., вместе с тем трансформируется наполненность рекрутской обрядности, меняется и отношение к уходящему в армию молодому человеку со стороны односельчан. Актуальность обусловлена недостаточной разработанностью темы и небольшим количеством работ, посвященных анализу социального статуса призывника. Цель настоящей статьи – проследить изменения социального статуса молодого человека, уходящего в армию, в русских селах. Исследование предусматривает синхроническое рассмотрение, общественного отношения к службе в армии, состава рекрутского обряда и социального статуса уходящего в армию в нескольких временных периодах: конец XIX – начало XX вв. (до 1917 г.), 1920–1930-е гг. и 60–90-е гг. XX в. Основными источниками послужили полевые этнографические материалы, опубликованные статьи по рекрутской обрядности, дореволюционные периодические издания. Анализ показал, что к призывникам во все времена относились с уважением. Изменяется восприятие к уклонистам от службы в армии: если в начале века к ним относились по большей части индифферентно, то к концу века – с осуждением и пренебрежением, поскольку служба в армии становится неотъемлемым этапом жизни молодого человека.

Ключевые слова: *служба в армии, рекрутская обрядность, проводы в армию, призывник, рекрут.*

Служба в армии крестьянами воспринималась по-особенному. С одной стороны – это исключение молодого человека из привычного крестьянского мира, деревенского коллектива и проблемы с воссоединением коллектива после службы (подробно это описывается в работе Ж.В. Корминой [9, с. 218–230], с другой – особое отношение к отслужившим как

опытным и «видавшим мир» людям. В начале XX в. служба в армии считалась большой трагедией (отсюда – «похоронные» элементы в рекрутской обрядности, плачи и причитания по рекруту). С появлением Советского Союза и формированием гражданской ответственности служба в армии стала преподноситься как нечто ответственное и возвеличенное. Проводилась ак-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

тивная пропаганда значимости военной службы политуками и военными комиссарами. К 60-м гг. XX в. формируется почетное отношение к службе, армия считается неотъемлемым этапом социализации каждого молодого человека (такое отношение бытует до 90-х [7, с. 188]). Изменения в отношении к службе в армии влияли и на отношение к призывнику, особенностям рекрутского обряда.

Цель настоящей статьи – проследить изменения социального статуса молодого человека, уходящего в армию, на протяжении XX в. Для удобства сравнения выделим несколько важных параметров, а именно: отношение к службе в армии, поведение перед призывом, отношение родственников и других лиц к призывнику, к не принятым на службу молодым людям и уклонистам.

Термин «рекрут» возникает с появлением рекрутской системы наборов, введенной Петром I в XVIII в. После внедрения этого термина в язык официального делопроизводства, он проникает в народную речь, где обозначает молодого человека, уходящего в армию, и активно бытует вплоть до последней четверти XX в. До отмены рекрутской повинности в 1874 году, когда срок службы в армии составлял 25 лет, желающих служить среди крестьян было немного. Об этом говорят свидетельства о намеренной «порче» себя молодыми людьми: «Намеренное членовредительство, т.е. увечье себя самого или лица постороннего, но с согласия и по желанию этого последнего, с целью уклонения от исполнения обязательной воинской повинности, встречавшееся, по отзывам местных стариков-крестьян, в прежние годы среди сельского населения весьма нередко, тогда, когда военная служба совершенно и на всю жизнь отрывала солдата от семьи и близких» (Нижегородская губерния) [15, с. 212].

Зачастую такие случаи зафиксированы в судебной практике: «промысловый работник Матвей Иванов Вилков в 26-е число того же апреля умышленным образом отсек у правой руки один палец а

как оной Вилков от двух братовой и отца состоит на очереди в рекрутскую отдачу» (Пермская губерния) [6, с. 3]. Если парень поступал на службу, он фактически исключался из состава семьи, например, лишался земельного надела: «В прежнее время, когда военная служба продолжалась 15–25 лет, поступающий в солдаты отрывался от семьи навсегда и терял все свои права на общее семейное имущество» (Ярославская губерния) [13, с. 344]. Такое отношение к армии обусловлено культурным разрывом: рядовому крестьянину была не нужна и непонятна долгая служба. Поэтому крестьяне массово уклонялись от призыва, сбегали с армейской службы, а если парню не выпадал жребий – это было невероятным счастьем для семьи и его самого.

Проводы рекрута всегда сопровождались плачами и причитаниями, что делало их схожими с похоронной обрядностью: «уход из семьи члена в солдаты для крестьянского семейства является великим горем и представляется большим несчастьем <...> родные рекрута начинают его оплакивать за несколько недель и даже месяцев до разлуки с ним, и причитания в доме его семейства становятся обычным явлением» (Тульская губерния) [20, с. 242]. Во всех описаниях отмечается специфическое поведение рекрута накануне призыва – он не работает, ведет разгульный образ жизни, много пьет, обществом не порицаются пьяные драки и выходящее за границы нормального поведение. «В прежнее время все парни, подлежащие вынужденной жеребье, за месяц или за полтора до жеребьевки начинали безобразное пьянство» (Ярославская губерния) [13, с. 68].

В конце XIX в., когда сроки службы в армии существенно сократились, отношение к военной службе стало постепенно изменяться. С одной стороны, в крестьянской среде начало формироваться понимание, что служба в армии – временное явление, неопасное для жизни. «Старики говорят: “Пускай послужит царю. Что делать, и жалко, да надо! Недолга нынче и

служба. Бог даст, увидимся”. Над забракованными парнями смеются, особенно девушки, и называют их “браковкой”» (Новгородская губерния) [18, с. 254]. Служба в армии считалась священным долгом подданных царя: «На воинскую повинность смотрят, как на долг перед Богом и Царем. Парни охотно идут в солдаты» (Тульская губерния) [17, с. 427]. «Народ говорит, что служить царю есть дело Божие и уклоняться от этого – грех» (Костромская губерния) [12, с. 272].

С другой стороны, и при таком отношении к армии случаи уклонения встречались: «Образовался недобор на 34 человека. Недобор молодых людей – явление обычное в Казанской губернии и причины его коренятся главным образом в склонности татар к уклонению от воинской повинности. В сих видах они прибегают к истощению себя голодом, развивают искусственно парши, принимают вредные здоровью настои разных трав» (Казанская губерния) [5, с. 20]. «Никто не поцеремонился бы отделаться от солдатчины. Здесь нередко обращаются к знахарям и бабкам, чтобы отделаться от рекрутчины. Остался парень, и часто слышишь мнения соседей – «бабка помогла». Где отыскивают «бабок», – держится в строгом секрете. Говорят, что бабки поят редечным соком, чтобы стягивало грудную клетку или дают что-нибудь поносить, тогда попадет счастливый жребий» (Калужская губерния) [14, с. 477].

Накануне ухода в армию призывники также много «гуляли» – не выполняли общественные работы, часто ходили по посиделкам и выпивали. «Кого думают сдать в солдаты, того еще начинают заранее готовить. Дают ему послабление в работе, побольше погулять в праздники. Осенью парни начинают “некрутитца”. Покупают “тальянки” и ходят по деревням с “игрушками” на “бисетки”. Некрута в бисетках в большинстве случаев можно отличить. Кто больше всех ломается перед девками – некрут, безобразничает, пьет водку – некрут. За неделю до отправки в город

парням дается полная свобода. Некрут некрутится, как ему хочется, гуляет, сколько ему влезет» (Вологодская губерния) [16, с. 158].

В этнографических описаниях начала XX в. авторы часто акцентируют внимание на том, что сроки службы в армии сократились и сама служба стала проще. Однако в этот переходный период в народном сознании всё равно существуют установки, что служба в армии опасна, также исполняются плачи и причитания на проводах в армию, матери и жены оплакивают уходящих рекрутов: «Проводы рекрутов другое дело, хотя теперь не считается несчастьем попасть в солдаты, так как служба нынче не то, что прежде, служба теперь легкая и короткая, а все-таки разлука близких людей на три, на четыре года не может пройти бесследно, а потому, когда принятый в солдаты парень возвращается домой, женский персонал семьи начинает голосить по нем, как по покойнику, и эта голосьба впричет повторяется каждый день в продолжение двух недель, которые новобранец живет в семье после своего приема» (Калужская губерния) [14, с. 105].

Поведение женщин вообще описывается как более эмоциональное: «При проводах рекрута плачут только бабы, мужики же, как и сами новобранцы, с веселыми лицами. “Чего реветь”, – уговаривает рекрут мать или жену. “Ведь не на убой гонят, в солдатах так отшлифуют, что на человека походить станешь, везде тебе почет и уважение; а то что мы – кроме Одоева мало-мальски хорошего города-то не видали”» (Тульская губерния) [17, с. 422]. При описании обряда проводов в армию также проводят параллели с похоронами: «Женщины всю грусть, печаль по какому-либо поводу выражают тем, что ударяются о пол, без всякой осторожности. Так поступают невесты, так поступают матери, жены и сестры при похоронах какого-либо близкого человека; так поступают при проводах рекрута» (Вологодская губерния) [16, с. 419].

С 1920-х гг. воинская повинность претерпела изменения. В агитационных материалах первых лет существования Советской власти ярко выражается идея, что служба в армии – почетная и ответственная миссия граждан страны. «Призывники, радостные и полны счастьем, шли домой сказать своим родителям, товарищам и знакомым, что они приняты в ряды нашей доблестной непобедимой Красной армии, которой руководит первый маршал Советского Союза наш любимый Клим Ворошилов» [22, с. 1]. В народном сознании происходит сдвиг: служба в армии перестает казаться смертельной опасностью, молодой человек не исключается из коллектива, не ассоциируется с покойником. Кроме этого, служба в армии приобретает престиж и становится обязательным этапом социализации мужчины: «Каждый мужчина должен служить в армии, так повелось. Мой отец, Степан Ильич, получил Георгиевский крест за заслуги, я тоже понюхал окопы. В армии мужчина становится ответственным. Это честь для каждого парня» (Орловская область) [19, с. 61]. «И тогда, если парня не брали в армию, знаете это какой... бракованный считался, да, это бракованный. Прямо этому парню это... девчонки его не уважали, девчонки его сторонились» (Республика Татарстан) [2]. Уклонистов от армии практически не было, так как за это следовало не только государственное наказание, но и общественное порицание.

В это же время советская власть пыталась искоренить существующие обычаи проводов в армию, о чём говорят осуждающие сообщения в газетах: «В Глуховском с/с призывники Бушуевы Петр и Иван отказываются от работы под предлогом, что они гуляют последние деньки, дебоширят. Окружающее население их вяжет верёвками <...> Поведение призывников должно быть самым решительным образом осуждено всеми призывниками района, надо создать широкое общественное мнение вокруг борьбы с пережитками старого – рекрут-

чиной» [4, с. 38]. «Перед каждым призывником стоит задача – всесторонне подготовиться к отъезду в часть, не допуская ни одного факта пьянки, рекрутчины и беспощадно бороться с ними» [11, с. 2].

Со стороны власти чувствуется особенное отношение к призывникам: «Все советские, профсоюзные и комсомольские организации должны окружить заботой и вниманием призывников, их семьи, организовать сейчас повседневный культурный досуг» [11, с. 2]. Слово «рекрут» начинает постепенно вытесняться из лексикона, так как после революции 1917 года государственная идеология была направлена на искоренение наследия царской России. «Раньше так было: кому давали повестку, тот считался новобранцем» [1]. «Нонче – призывник, раньше – некрута» (Пермская область) [3, с. 8]. «“Новобранец”, “призывник”, “солдат” – вот так звали. Если он бритый – “солдат”» (Республика Татарстан) [2].

Несмотря на попытки искоренения слова «рекрут» и обычаев рекрутских гуляний, они продолжают активно бытовать. Отношение родственников к рекруту, как и в прошлые исторические периоды, особенное: ему дают отдохнуть, разрешают не работать. «Примут в солдаты, так не одну неделю пируют. Ходят с гармонью из дома в дом...» (Пермская область) [21, с. 142]. «Некрута звали. В деревне их примерно человека три, может быть, сразу берут, оне до определенного дня, когда уж идти, туды ехать в Свияжский, оне уж ходют, гуляют с гармошкой. И день ходют и по вечерам» (Республика Татарстан) [2]. Рекрутские гуляния в большинстве случаев воспринимают как норму, такое поведение призывников носит повсеместный характер и поддерживается односельчанами: «Вот неделю ани гуляют. Дыгаваряцца к аднаму из рекрутав: сиводня у аднаво, значит, а завтра у другова. Йим никто ни эта, ни асвобождают, ни ругают, ничиво йим плахова ни гаварят, так как ани уходят на три года, на два года» (Ульянская область) [10, с. 14].

С началом Второй мировой войны и массовой мобилизацией обряд проводов в армию стал менее детализированным, рекрутские гуляния были исключены из его состава: «Я вот, на заседании сидели, когда я бригадиром был. Как заседание такое, конец посевной был уже. И по телефону звонит сельсовет: “К восьми часам явиться с вещами”. И вот, мать потом утром рано лошадь запрягли, и повезла меня вот сюда [местный военкомат]» (Республика Татарстан) [2]. Из-за введения военного положения на территории страны отношение к призывникам и проходящим службу меняется. Рассмотрение социального статуса призывников и военнослужащих в годы Второй мировой войны требует пристального внимания и отдельного исследования, а потому в рамках настоящей работы не будем подробно останавливаться на данном вопросе.

С 60-х гг. XX в. и практически на протяжении 40 лет существовала особая субкультура солдат срочной службы [7, с. 186]. Можно сказать, что и социальный статус призывника на данном отрезке времени не изменялся. Как уже было написано выше, служба в армии для советского гражданина – почетная обязанность (ст. 132 Конституции СССР) [8]. В семейном кругу к призывнику сохранялось то же отношение, что было описано ранее. Накануне призыва молодые люди меньше работали, их приглашали в гости друзья и родственники. «Ну, естественно, это само собой – баловали. Конечно, и мать вкусней кормила, пироги каждый день пекла, и там вот эти курники, вы чё – баловали, баловали. И от работы его освобождали, конечно, освобождали. Отсыпался» (Республика Татарстан) [2]. «Все родные приглашали, не одного, с друзьями там, не по десять человек уж, их вот двоих, дядя Коля рассказывал, наши родные и его родные, вот, говорит, мы ко всем, нас приглашали целую неделю, говорит» (Республика Татарстан) [2].

Интересно, что особое отношение к призывнику поддерживалось не только родственниками, но и соседями, односельчанами и даже начальниками колхозов: «Мы поехали, троих нас взяли [в армию]. Вот приехали в Сапуголи, тут один на комбайне работал, пацаны работали в те времена. Нам на неделю дали отдых!» (Республика Татарстан) [2].

Уклонистов от службы в армии практически не было – не служить считалось отклонением от социальной нормы. Кроме того, даже к негодным по состоянию здоровья было предвзятое отношение среди односельчан. Отмечается, что вернувшийся из армии парень считался завидным женихом, в то время как не служивший – «бракованным»: «Кто в армии не был, да, был бракованный. Тогда ты чё: в армию не взяли – это, ты чё, это позор, это брак!» (Республика Татарстан) [2].

В заключении следует отметить, что к молодому человеку, уходящему в армию, на протяжении XX столетия односельчане относились с уважением, служба как в царской, так и советской армии считалась долгом и честью. Перед призывом в армию молодому человеку позволялось не работать, больше обычного выпивать и отдыхать, а если призывники начинали хулиганить, общественностью это не порицалось (исключение – первые годы советской власти, когда шла активная борьба с «рекрутчиной»). К неприкрытым на службу молодым людям и уклонистам в начале XX в. было равнодушное отношение, а семьи парней и они сами были рады «счастливому жребью». С появлением советской армии отношение к уклонистам становится резко негативным – они наказываются государством и порицаются общественностью. Немного мягче относятся в это время к негодным к военной службе, хотя такие парни считались не самыми лучшими женихами и девушки нередко пренебрегали их вниманием.

Библиографический список

1. Архив кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2. Архив ПФИЦ УрО РАН.
3. *Белавин А.М., Подюков И.А., Черных А.В., Шумов К.Э.* Война и песня. Солдатские и военные песни и фольклорной традиции Прикамья. – Пермь, ПГПУ, 2005.
4. *Бушкевич С.П.* Крестьянская жизнь на страницах местной советской прессы периода коллективизации // Живая старина. 1997. Вып. 1. С.38–39.
5. Военная повинность // Обзор Казанской губернии за 1882 г. Приложение ко всеподданейшему отчету Казанского губернатора. – Казань: тип. Губ. правления, 1882. – С. 20.
6. ГАПК. Ф. 13 Оп. 1. Д. 562. Дело об отсечении работником из села Новое Усолжье Матвеем Волковым пальца у правой руки для избежания отдачи в рекруты. 28 л.
7. *Головин В.В., Лурье М.Л., Кулешов Е.В.* Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор / Сост. А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2003. – С. 186–230.
8. Конституция СССР. Утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 года.
9. *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 376 с.
10. *Морозов И.* Проводы "некрутов" в Ульяновской области // Живая старина. – 2001. – Вып. 4. – С. 15–16.
11. *Полежаев А.* Готовиться к организованным проводам // За большевистские темпы. – 1936. – № 131. – С. 2.
12. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя *В.Н. Тенищева*. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. – СПб., изд-во «Деловая полиграфия», 2004. – 568 с.
13. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя *В.Н. Тенищева*. Т. 2. Ярославская губерния, часть 1. – СПб., изд-во «Деловая полиграфия», 2006. – 608 с.
14. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя *В.Н. Тенищева*. Т.3. Калужская губерния. – СПб., изд-во «Деловая полиграфия», 2005. – 648 с.
15. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя *В.Н. Тенищева*. Т.4. Нижегородская губерния. – СПб., изд-во ООО «Навигатор», 2006. – 412 с.
16. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя *В.Н. Тенищева*. Т.5. Вологодская губерния. Часть 3. Никольский и Сольвычегодский уезды – СПб., изд-во ООО «Деловая полиграфия», 2007. – 684 с.
17. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя *В.Н. Тенищева*. Т. 7. Часть 1. Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский и Новгородский уезды. – СПб., изд-во ООО «Навигатор», 2010. – 592 с.
18. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографическое бюро» князя *В.Н. Тенищева*. Т. 6. Курская, Московская, Олонекская, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. – СПб., изд-во ООО «Деловая полиграфия», 2008. – 600 с.
19. *Соловьева Е.З.* Фольклор и ритуальные практики проводов на военную службу в Орловском крае // Традиционная культура. – 2019. Вып. 1. Т.20. – С. 59–67.
20. *Успенский Д.* Рекрутские причитания // Живая старина. – 1896. Вып. 2. – С. 242–248.
21. *Черных А.В.* Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. – М.: Лабиринт, 2001. – С. 142–149.
22. *Школьный И.* На призывном пункте // За большевистские темпы. – 1936. – № 128. – С. 1.

«RECRUIT», «SOLDIER», «CONSCRIPT»: ABOUT THE SOCIAL STATUS OF THE PERSON LEAVING FOR THE ARMY IN RUSSIAN VILLAGES

Y.S. Chernysheva

Institute of Humanitarian Studies UB RAS

For citation:

Chernysheva Y.S. «Recruit», «soldier», «conscript»: about the social status of the person leaving for the army in russian villages // Perm Federal Research Center Journal. – 2022. – № 3. – P. 53–59. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2022.3.6>

The article examines the changes in the social status of a young man going into the army during the XX century. The attitude to service in the army has been changing throughout the XX century. At the same time, the fullness of the recruit ritual is transformed, and the attitude of the villagers to the young man leaving for the army is changing. The study provides for a synchronic examination of the public attitude to service in the army, the composition of the recruitment rite and the social status of those leaving for the army in several time periods: the end of the XIX – beginning of the XX centuries. (before 1917), 1920s–1930s and 60s–90s. XX century. The main sources were field ethnographic materials, published articles on recruitment rituals, pre-revolutionary periodicals. The analysis showed that conscripts were treated with respect at all times. The perception of draft dodgers is changing – if at the beginning of the century they were treated mostly indifferently, then by the end of the century service in the army is an integral stage of a young man's life.

Keywords: service in the army, recruiting rites, seeing off to the army, conscript, recruit.

Сведения об авторе

Чернышева Юлия Сергеевна, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН («ИГИ УрО РАН»), 614013, г. Пермь, ул. Генкеля, 4; e-mail: yulyachernysheva99@gmail.com

Материал поступил в редакцию 16.09.2022 г.